

Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / Под ред. К. Киселевой и Д. Пайара. – М., 1998.

Национальный корпус русского языка [http:// www.ruscorpora.ru](http://www.ruscorpora.ru)

Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второй выпуск / Под общим рук. акад. Ю.Д. Апресяна. – М., 2000.

Остроумова О.А., Фрамполь О.Д. Трудности русской пунктуации: Словарь вводных слов, сочетаний и предложений: Опыт словаря-справочника. – М., 2009.

Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и литературной правке: Для работников печати. – М., 1985.

Русская грамматика: В 2 т. – М., Наука, 1980. – Т. II.

Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М., 1982. – Т. 2 (МАС).

Соколова О.В. Функционирование дискурсивных слов, связанных с идеей «реальности» в рекламных и PR-текстах // Армия и общество. – 2014. – № 2 (39).

Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). – М., 1994.

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

П.А. ГАГАЕВ

Пенза

О языке русской сказки

В статье выявляются особенности языка русской народной сказки, обусловленные ее глубокой связью с живой русской речью.

Ключевые слова: *семантика; многотемие; здравомыслие; эмоциональность; драматичность; колоритность.*

Сказка складывается (мыслью, духовным усилием) и говорится. Говорится, потому и поверяется прежде всего словом. В слове сказка ищет выражения своих мыслей. Сказка обязана слову. Но и слово обязано сказке. В ней оно всматривалось в себя самого и училось вбирать в себя большие смыслы и являть их в нужное время и нужном месте.

Каков же язык русской сказки? В чем его характерные черты? Ответ на этот вопрос обусловлен словесно-поэтической природой самой сказки.

Сказка есть поэтико-психологическая реальность, являющая народу его самого (в полноте и целостности); реальность, обретающая свою поэтику в следовании предельной (идеальной) форме бытия (дерзание к невозможному, утверждение и приятие невозможного), облекающаяся в форму внятной всякому человеку из народной среды драмы (социальная об-

условленность конфликта и сюжета), реальность здравая, добрая, полнотелая и праздничная.

Природа сказки обуславливает обращение ее как словесного произведения к стихии народной речи, стилистике срединных суждений русского ума, стилистике драмы бытия человека (в русском социуме), стилистике дерзания к невозможному и утверждения невозможного, наконец, обращение ее к стилистике русского праздника и стилистике общего колорита русской жизни.

Развернем содержание каждого из выше сформулированных положений.

Стихия русской речи (многотемие, здравомыслие, задиристость, такт, эмоциональность и выразительность).

Сказка говорит живым народным языком – языком крестьянской избы, купеческого дома и пр., языком ярмарки, встреч, проводов, свадеб, спора, тяжбы, поминок и пр. Язык сказки есть язык русского просторечия (в данном случае речи, не подвергнутой профессиональной – книжно-нормированной – обработке).

Гагаев Павел Александрович, доктор пед. наук, профессор Пензенской духовной семинарии. E-mail: gagaevp@mail.ru

Темы речи, их содержание, стилистика его выражения (продуцирования в конкретной ситуации) – все соотносится с речью русского человека – того, кто является собой то царем-батюшкой, то стариком крестьянином, то крестьянским (царским, купеческим) сыном (Иван-царевич, Илья Муромец, Иван – крестьянский сын, Емеля и др.), то горшечником, то пахарем, то крестьянской, или купеческой, или поповой, или царской дочерью (Красота Неаглядная, Василиса Прекрасная, Крошечка-Хаврошечка и пр.), то солдатом, то попом, то батраком, то истцом, то ответчиком и пр.

Говорящий живет всем и вся. Ничто не ускользает от его взора и потому все становится предметом его речи.

Начинает сказочник говорить сказку, и бегут перед слушателем образы ищущего свою суженую Ивана-царевича (*Что ни будет, а разыщу Марью Моревну*); живущего правдой человека (*Один-от говорит: лучше жить кривдой; а другой-от говорит: кривдой век прожить не сможешь, лучше жить как ни есть, да правдой*), судящихся друг с другом братьев (*Богатый брат прииде к Шемяке-судье бити челом на брата...*), старика, стремящегося обучить грамоте сына (*Старик-то был бедный; хотелось ему отдать сына в науку...*), батрака, думающего, как обмануть скупого попа, и пр.

Запретных тем для сказки нет. Здравый смысл границ для нее не ставит. Потому всегда она обещает слушателю рассказать о том, что пока еще только просится в речь и живет в речевом сознании немногих людей, в том числе и сказочников, но скоро, благодаря стараниям последних, становится достоянием всех носителей русской речи.

Речь сказки и ее персонажа умна (здравая) и задириста. В этом она близка речи всякого русского человека.

Умная (здравая) речь – речь о главном или близком (для собеседника), речь ясная, речь убедительная (рассудительная), речь тактичная (меру знающая). Именно такой речью славится и Василиса Премудрая, и Горшениа, и засевающий полянку мужик, и многие другие персонажи

сказок. Именно такая речь свойственна и самой сказке, когда описывается горе матери, чувства Ивана-царевича, переживания Крошечки-Хаврошечки, просьбы русских людей к Никите Кожемяке спасти их от Змея, радость царя-батюшки, спор о правде и кривде и пр.

Вот встречаются Иван-царевич и Баба-яга (оба русские люди). Баба-яга набрасывается на царевича:

Фу-фу! Доселева русского духа видом не видано, слыхом не слыхано, а нониче русский дух в виду является, в уста мечется! Что, добрый молодец, дела пытаешь иль от дела лытаешь?

И слышит в ответ:

– Эх, старая хрычовка! Не накормила, не напоила, да вестей спрашиваешь¹.

И старуха принимает Ивана-царевича, принимает, полагаем, не за грубость его, а за правую речь – ясную и верную. Все рассудил Иван-царевич, слыша речь старухи, рассудил и сказал то, что надо было сказать, и сказал так, как надо было сказать (ясно и убедительно).

Приведем описание возникающих чувств и отношений между Федором Тугарином и Анастасией Прекрасной, в котором и умение увидеть главное, сказать о нем выразительно и с большим тактом и в этом быть вровень с чувствами своих персонажей:

Отдавши замуж сестер, Федор Тугарин пошел странствовать. Шел, шел, глядит: лежит рать-сила побитая. Он и спрашивает: «А кто тут есть живой, скажи, кто побил эту рать?» Отозвался один голос и говорит: «Подай воды напиться». Он подал, тот раненый и говорит: «Иди попытай у другой рати». Он пошел и, увидев другую рать-силу побитую, спросил у той, кто ее побил. Тут голос сказал, чтоб он шел дальше и спросил у третьей. Как дошел он до этой рати, тут голос ему сказал, что все три рати победила Анастасия Прекрасная, а сама она теперь в шатре отдыхает. Федор поехал. Приехавши к шатру, привязал коня и, вошедши в палату, лег сбоку. Анастасия Прекрасная проснулась и, разбудив Тугарина, говорит: «А что,

¹ Тексты сказок цит. по изд.: Русские народные сказки А.Н. Афанасьева: В 3 т. – М., 1957.

будем с тобой биться или мириться?» Он сказал: «Коли наши кони станут биться, тогда и мы будем». Вот они пустили своих коней. Кони обнюхались и стали лизать один другого, а после стали пастись. И Анастасия Прекрасная говорит Федору Тугарину: «Будь ты мне муж, а я тебе жена».

Сдержанно (без излишних эмоций; больше показывая чувства, чем рассказывая о них), сильно (выделяя, подчеркивая главное в герое: поступки Анастасии и Федора Тугарина), бережно (чувства не комментируются, а являются в их свежести и целомудренности) сказка говорит о главном и близком слушателю – о суровости жизни наших предков, об их глубоких и чистых чувствах.

Сказка вопрошает к жизни, к человеку и светло подзадоривает его.

Первое, что говорит Иван-царевич в сказке «Кощей Бессмертный», пробудившись от (младенческого) сна:

«Давай, батюшка, свое благословение; я поеду жениться». – «Что ты, дитячко! Куда поедешь? Ты всего девятисуточный!» –

говорит ему батюшка. И слышит в ответ знаменательное:

«Дашь благословение – поеду, и не дашь – поеду!».

Задириста фраза Ивана-царевича, ставит в недоумение она царя-батюшку, поражает его она! Поражает и смыслом, и экспрессией!

Полагаем, в этом фрагменте выражена характерная для языка всякой русской сказки особенность.

Слова Морозка, обращенные к стариковой дочке (*Тепло ли те, девица?*), первые слова Бабы-яги к Ивану-царевичу (*Дело пытаешь али от дела лытаешь?*), надпись, предвещающая герою сказки или то, или другое (*Кто поедет от столба сего прямо, тот будет голоден и холоден; кто поедет в правую сторону, тот будет здоров и жив, а конь его будет мертв; а кто поедет в левую сторону, тот сам будет убит, а конь его жив останется*), речь царя к Горшене (*Хорошо, Горшеня, но все-таки на свете не без худы...*) – все это стихия русской задиристой речи.

Речь сказки всегда выверена с точки зрения такта, чувства меры. Сказка не оставит слушателя краснеть от чего-то откровенно натуралистического, от корябщего слух и взгляд циничного понимания той или иной жизненной реалии. Сказка, следуя русской речевой традиции, ищет срединного разрешения обсуждаемых ею проблем, предпочитает без лишних эмоций указать на порок (хотя порой и смеется над ним), целомудренно описать встречу любящих друг друга людей, найти нужное решение проблемы и выразить его так, чтобы его приняли и в этом приблизились бы к желанному для авторов сказки идеалу.

Сказка со стороны ее речевого выражения всегда эмоциональна и выразительна. В этом она следует за русской речевой стихией, стихией народной речи. Сказка ищет в речи формы выражения своего чувства. Ищет и всегда находит, ибо под рукой у нее образцы живой речи.

Речь сказки всегда выразительна, ярка и понятна даже самому не склонному мыслить образно человеку. Сказка как существо говорящее понимает, что слово внятно (слышимо) только тогда, когда оно образно, когда оно вводит человека в знакомый для него и вместе с тем удивительно новый своими необычными явлениями мир.

Приведем фрагмент сказки «Волшебное зеркальце»:

Подошел царевич, взглянул на девицу, да так и остался на месте, словно невидимая сила его держит. Стоит он с утра до позднего вечера, глаз отвести не может, на сердце тревога: приковала его краса девичья – чудная, невиданная, каковой во всем свете другой не сыскать! А охотники давно его ищут; уж они по лесу рыскали, и в трубы трубили, и голоса подавали – царевич стоит у хрустального гроба, ничего не слышит. Солнце село, сгустился мрак, и тут только он опомнился – поцеловал мертвую девицу и поехал назад.

Язык сказки фиксирует, сколь взволнован царевич: энергичный синтаксис, употребление сравнительного оборота, однородные конструкции, противопоставление, семантика отрицания (как средство усиления утверждения), семантика энер-

гичного действия (глаголы совершенного вида) и др. Волнуется герой, волнуется и сама сказка.

Язык сказки фиксирует не только взволнованность ее персонажа, но и глубину и свет его чувств. Чувства царевича явлены в сказке глазами ее авторов, и явлены они как некое глубокое и светлое и в этом близкое всякой способной к живому движению душе:

Глаз отвести не может, на сердце его тревога: приковала его краса девичья – чудная, невиданная, каковой во всем свете другой не сыскать!..

Образ девичьей красоты завораживает царевича. Сказка создает этот образ и подчеркивает отношение к нему царевича: обращается она к лексике, передающей отношение героя к красоте царевны (*тревога, сердце*), к выразительным определениям (*чудная, невиданная...*), усиливающим эффект передачи чувства. Сказка обращается к метафорическим выражениям, помогающим подчеркнуть силу девичьей красоты (*на сердце тревога, приковала его красота девичья*). Синтаксические конструкции подчеркивают отношение царевича к девице (*...ничего не слышит... и тут только он опомнился – поцеловал...*). Сказка выносит на центральное место предложение, свидетельствующее о переживаемом персонажем:

Солнце село, сгустился мрак, и тут только он опомнился – поцеловала мертвую девицу и поехал назад.

Сказка поэтически говорит о возникшем чувстве царевича к спящей девице.

О р а з н о м п о - р а з н о м у.

Характерной чертой языка русской сказки является бережно-тактичное выражение осмысливаемого ею. Сказка говорит со слушателем без излишних эмоций,веряя свои суждения, облекая их в форму, приемлемую и для персонажа, и для слушателя. Ср. сказку «Смерть скупого»:

Жил-был скупой скряга, старик; имел двух сыновей и множество денег; послышал смерть, заперся один в избе и сел на сундук, начал глотать золотые деньги и есть ассигнации и так покончил свою жизнь. Пришли сыновья, положили мертвого под святые ико-

ны и позвали дьячка читать псалтырь. Вдруг в самую полночь является в образе человека нечистый, поднял мертвого старика на плечо и сказал: «Держи, дьячок, полу!» И начал трусить старика: «Деньги твои, а мешок мой!» Понес его и невидим стал.

Сказка не судит скупого – сказка рассказывает, как он умирал и что произошло с его душою. Рассказывает сдержанно, но не скрывая говорящих о многом событий, сопутствующих смерти персонажа (поглощение денег, приход нечистого). Тому, кто знает жизнь, сказка показывает, сколь бессмысленно было существование скупого, столь и страшен был его уход из жизни.

Фраза в этой сказке собирается просто (простой, прозрачный синтаксис), лексика ее стилистически нейтральна (нет лексики высокой, оценочной и пр.), интонационный рисунок фразы сдержанный (за исключением тех слов, каковые принадлежат персонажам сказки).

Русская сказка о разном говорит и одинаково (глубоко, выразительно и пр.), и поразному. Речь ее удивительным образом следует за особенностями видения мира людьми разного социального статуса, различных поступков, образования, воззрений, возраста и пр. Сказка знает всех и говорит языком всех, но с одним ограничением: не хулит никого и ничто, она сдержанно (разрешая себе лишь иронию или смех) говорит правду обо всем и вся или дает возможность всем выражаться так, как они это делают в реальности.

Вот говорит богатый купец из сказки «Марко Богатый и Василий Бессчастный»:

Жена! Как получишь мое письмо, сейчас же отправься с этим посланным на мыльный завод и как пойдешь возле большого кипучего котла, толкни его туда; да непременно исполни! А не исполнишь, я на тебе взыщу строго: этот малый – мне злодей!

Вот девочка-сирота жалуется на жизнь:

Коровушка-матушка! Меня бьют, журят, хлеба не дают, плакать не велят. К завтраму дали пять пудов напярсть, наткать, побелить, в трубы покатасть.

Вот Ерш Ершович отвечает судейским:

Рече Ерш судьям: «Господа судьи! Судили вы не по правде, судили по мзде. Леща

с товарищи оправили, а меня обвинили». Плюнул Ерш судьям в глаза и скочил в хвост: только того Ерша и видели.

Можно продолжать цитировать русскую сказку, и всегда она будет говорить голосами разных людей. И никого она не будет хулить, но всем даст высказаться и в этом всех светло и правдиво оживит в создании слушателя.

Семантика дерзания на все и вся человека.

Характерной особенностью языка сказки как особой формы сознания русского человека является ориентированность его семантических средств на выражение дерзания человека на все и вся. Речь персонажа сказки и речь ее самой со стороны семантической есть превозмогание непревзойдаемого.

Поступаю вопреки сказанному, иду навстречу опасности, презираю (отрицаю) данность, преодолеваю непреодолимое – вот семантические константы являемого в языке сказки. Формально это находит выражение в обращении (рассказчика и персонажа) к противительным конструкциям, резким утвердительным предложениям (*Однако сколько царь Выслав ни старался удерживать Ивана-царевича, но никак не мог не отпустить его, по его неотступной просьбе*), конструкциям, семантически совмещающим логично несовместимые реалии (*Иван-царевич прочел эту надпись и поехал в правую сторону... ; логично было бы вернуться назад; соединительный союз фиксирует странную для обыденного сознания логику сочленения реалий*).

Выражением сформулированного слушит и общий семантико-синтаксический рисунок типового для сказки сверхфразового единства, которое обычно открывается описанием ситуации разрешения чаяний персонажа и одновременного табуирования определенного действия (семантика запрета). Далее следует передача действий персонажа, и прежде всего тех, каковые нарушают запрет (семантика преступления непроступаемого). Завершается сверхфразовое единство обращением персонажа к новой для него и – формально – неразрешимой задаче (семантика вступление в невестуемое).

56

Синтаксически данное структурирование речевого целого обеспечивается введением в его первую часть конструкций описательно-утвердительного характера вкупе с одиночным предложением-отрицанием. Последнее чаще всего не распространено (смысл его не затемняется, сосредоточивается в предикативной основе), семантически нагружено (несколько предикатов), эмоционально выделено (интонация восклицания, противопоставление в составе предложения и пр.). Ср.:

Только тут на стене висит золотая узда, ты ее не бери, а то худо тебе будет!

Вторая часть сверхфразового единства представлена конструкциями, передающими живое быстрое действие: предложениями с однородными сказуемыми, выраженными глаголами совершенного вида; простыми слабо распространенными предложениями с глаголом-сказуемым, включенными в состав сложного (сложносочиненного, сложноподчиненного), и др. Ср.:

Иван-царевич, вступая в белокаменные конюшни, взял коня и пошел было назад; но увидел на стене золотую узду и так на нее прельстился, что снял ее с гвоздя...

Завершающая часть сверхфразового единства представлена сильным утвердительным предложением. Сильное утверждение обретает себя, как правило, в форме простого слабо распространенного глагольного предложения, часто несущего в себе значение противопоставления (выраженного союзом или иным средством). Ср.:

Что ни будет, а разыщу Марью Моревну!; Тогда Иван-царевич обещался царю Афрону королевну Елену Прекрасную достать...

Отдельное речевое целое в сказке вводит слушателя в семантику преодоления человеком всего и вся.

Фраза, указывающая на бытие (на драму).

Язык сказки есть язык драматического действия. Фраза, сверхфразовое единство (отдельное семантико-синтаксическое целое в тексте), весь текст сказки как единое целое указывают или на уже происходящее в жизни персонажа, или на предвещающее что-либо в его жизни.

Указание это может осуществляться текстовыми, семантическими, синтаксическими, лексическими средствами.

Язык сказки фиксирует наличие в действиях персонажа, его переживаниях, его мысли некую кульминационную точку (признак драматического изменения состояния персонажа), задерживает на ней внимание слушателя, тем помогая авторам сказки подвинуть слушателя к восприятию жизни нашей как драмы.

Рассмотрим сказку «Правда и Кривда»:

Вот этим делом-то они и заспорили. Один-от говорит: лучше жить кривдой; а друго-от говорит: кривдой век прожить не сможешь, лучше жить как ни есть, да правдой. Вот спорили они, спорили, никто, знаешь, не переспорил.

Конфликт намечен: спор и спор, как жить – правдой или кривдой? Дальше текст сосредоточивает внимание слушателя на предмете спора, усиливает его (спор): обозначается ситуация трех встречающихся. И первый же встречный (мужик) поддержал криводушного! Текст ведет слушателя к вершине спора. Ведет последовательно, умно ведет. Ясно и отчетливо (язык это зафиксировал) встречный показал *правоту неправдивого* (!). И второй встречный (купец) поддержал неправдивого. Текст (своими средствами) усиливает напряжение происходящего с персонажами сказки. И далее поп (!) принял решение неправдивого. Напряжение усиливается. Драма и драма в душе и правдивого, и слушателя.

«Ну, слышь, – говорит криводушный-от правдивому-то, – вот все говорят, что кривдой лучше жить». – «Нет, слышь! Надо жить по-Божью, как Бог велит. Что будет, то и будет, а кривдой, слышь, жить не хочу», – говорит правдивый-от криводушному-то.

Вот так – *вопреки очевидному* правдивый следует своему видению мира. Сказка ставит его поступок – его речь – в центр повествования.

Последующее развитие сказки «Правда

и Кривда» есть развертывание намеченного драматического столкновения, что найдет свое последовательное выражение и в языке сказки. Полагаем, языковое выражение сказки «Правда и Кривда» в целом характерно для всех русских сказок.

Отдельно подчеркнем и драматическую организацию диалога в сказке. Диалог персонажей сказки не статичен: его задача не передать внутренне покойное состояние героев сказки, а, напротив, выразить переход их из одного духовного состояния в другое. Большей частью то состояние, которое будет искать свое выражение в решительном, энергичном действии.

Праздничность, колоритность речи

Для сказки как жанра устного народного творчества характерна праздничность и колоритность речи. Причина этого понятна: сказка, с одной стороны, утверждает победу в жизни добра, светлого; с другой – она обращается к ярким характеристам. Сказка любит жизнь и поэтому симпатизирует тем, кто отдается ей без остатку, кто живет полной жизнью: защищает слабых, добрых и пр., служит царю, родине и пр.

Фраза сказки (сверхфразовое единство и текст в целом) упруга (энергична), звонка (легка в восприятии), светла и многоцветна своим смыслом и во всем этом празднична.

Язык сказки являет и колоритность характеров ее персонажей. Речь героя, описание его и его поступков самой сказкой – все выдает в нем человека с ярким характером. Изобразительные (языковые) средства сказки верно служат в решении этой задачи.

Итак, народная сказка учила слушателя и сама училась жить широко, стремительно, вопреки неизбежному, проникновенно и радостно, радостно и с большим пониманием (чувством меры) самой жизни.